

РАЗНООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМАМ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

СУБЪЕКТ ЖИЗНИ, ДЕТЕРМИНАНТЫ ЕГО ВНУТРЕННЕГО МИРА И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ: ПСИХИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ И «ПЕРЕЖИВАНИЯ» У ДИЛЬТЕЯ И ШПРАНГЕРА

Н. С. Шадрин

*Павлодарский государственный педагогический
университет,
Павлодар, Казахстан,
nn_shadrin@mail.ru*

В статье прослеживаются этапы становления понятия субъекта жизни в психологии. Вводится представление о внутреннем мире человека, его детерминациях и проявлениях. Автор реализует попытку проанализировать на историко-психологическом материале особенности двух форм психики – психических явлений и «психологических событий». Они являются результатом «разыгрывания» пяти базовых психологических детерминаций (мотив, образ, общение, деятельность и сам индивидуальный субъект жизни).

При этом психическое явление обычно является проявлением одной-двух базовых детерминаций. При реализации же «психологического события» манифестируются (разыгрываются) все базовые детерминации под «управлением» субъекта жизни. При этом субъект жизни должен быть развитой, ориентированной на какие-то ценности личностью. С этих позиций анализируются понятие «переживаний» (Erlebnis) Дильтея и Шпрангера и их ценностная типология.

Ключевые слова: индивидуальный субъект жизни, психологические детерминации, психические явления, психологические события, личность, «переживания», ценности.

DOI: 10.7868/S1819265319010035

Для цитаты: Шадрин Н. С. (2019). Субъект жизни, детерминанты его внутреннего мира и их проявления: психические явления и «переживания» у Дильтея и Шпрангера // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 51–79.

Постановка проблемы

Психология по сути дела давно обращается к понятию индивидуального субъекта жизни в решении коренных методологических и общетеоретических проблем. И это понятно, ибо психика есть лишь момент регуляции индивидуальной жизни, которой она как бы «сопринадлежит» (выражение Дильтея).

Впрочем, в индивидуальной жизни неизбежно присутствует и нечто общее и даже «всеобщее», что удачно высвечивает термин «всеобщая жизнь» у Гегеля. Поэтому механизмы психики, ее детерминации, с одной стороны, складываются как продолжение родовой, социальной жизни человека и ее форм (здесь высвечивается роль культуры в детерминациях психики на уровне личности и субъекта деятельности); с другой же стороны, очевидно, что многие механизмы реагирования на среду обитания (сопровождающиеся и психическими процессами), присущие человеку как телесно-биологическому индивиду (еще одна форма субъекта жизни), сложились эволюционно, в историческом движении царства живой природы, породившем, в конечном счете, вид *Homo sapiens*.

Зависимость психики, с одной стороны, от мира культуры и эволюционно сформировавшихся механизмов реагирования на среду обитания, с другой стороны – от самого субъекта индивидуальной жизни порождает *двойственность психических явлений*. Такую их форму, как жизненное «переживание» (*пере-живание!*), в ко-

торой «удельный вес» детерминанты субъекта жизни достаточно велик, обычно противопоставляют либо «безличному» холодному знанию и когнитивным процессам (С. Л. Рубинштейн), либо вообще очень многим формам психических явлений (за исключением, пожалуй, эмоций, о чем говорит термин «эмоциональное переживание», закрепившийся у психологов).

Термина «переживания» нет в большинстве психологических словарей, в том числе и в «Большом толковом психологическом словаре» Артура Ребера (2001). В словаре под редакцией К. К. Платонова (1974) говорится, что «переживания – это атрибут акта сознания индивида, не содержащий образа отражаемого» (что опять же говорит об их несводимости к когнитивным процессам) (Краткий психологический словарь, 1974, с. 75). Советский психолог А. Н. Леонтьев в свое время пронизательно указывал, что «их (переживаний. – *Н.Ш.*) реальная функция состоит лишь в наведении субъекта на их действительный источник, в том, что они сигнализируют о личностном смысле событий» (Леонтьев, 1975, с. 157). Очевидно, что познавательные процессы (ощущение, восприятие, память, мышление и т. д.), не говоря пока о других, не могут выполнять эту функцию!

С учетом идей Дильтея и Шпрангера, *переживания* призваны не только отслеживать значимый для личности жизненный смысл событий, но и участвовать в утверждении (экстернизации) данного общезначимого

смысла в событийной жизни других людей в ходе контактов с окружающими. Но они нужны, по-видимому, лишь тогда, когда сами эти события, в которых как-то участвует личность, действительно более-менее событийны, будучи по своему значению и смыслу относительно ценными жизненными событиями как для нее самой (в плане полноты ее душевной жизни и т. п.), так и для других.

Естественно, что весь обозначенный круг проблем требует специального анализа.

Краткий исторический экскурс

Постановку проблемы роли субъекта индивидуальной жизни в детерминациях психического можно рассматривать и как некий возврат к ключевым идеям основателей *духовно-научной психологии* В. Дильтея и Э. Шпрангера, преемственно связанным с «философией жизни» А. Шопенгауэра и Ф. Ницше.

Труды двух последних авторов еще ранее стимулировали актуализацию значимых проблем психологии: А. Шопенгауэр, как известно, сформулировал проблему бессознательного, Ф. Ницше проанализировал соотношение ценностей жизни с двумя видами свободы человека (свобода *от* ценностей и свобода *для* реализации ценностей) (Ницше, 1996, с. 45) и т. д.

В. Дильтея и Э. Шпрангера относят к отцам «духовно-научной» (*geistwissenschaftliche*, по Шпрангеру) или, в достаточно вольном переводе, «гуманитарной» психологии, но понятия

«жизни» и личности как формы субъекта жизни для них ключевые. Еще современник Э. Шпрангера М. Цоллингер увязывал решение «проблемы индивидуальности личности» у этого психолога с его методом «наблюдения жизни» человека (Zollinger, 1923, S. 47).

Подходы «философии жизни» А. Шопенгауэра и Ф. Ницше продолжились в учении Дильтея и Шпрангера о «структурной связи» элементов душевной жизни как *ценностно-смысловой жизненной связи*. Идеи «философии жизни» были по-своему учтены и экзистенциализмом. Но, «превратив» жизнь личности (хотя у Дильтея и Шпрангера это еще и «жизнь духа») в «существование», в своей «подлинной» форме устремленное к «смыслу бытия», тот же Сартр отошел от их признания законообразных, «структурных» связей в душевной жизни личности, во многом переходя на позиции индетерминизма.

Значимость категории субъекта индивидуальной жизни в понимании порождения и развития психики в эволюции животных и у человека просматривалась затем и у советских и постсоветских психологов (А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, А. А. Крылов и др.).

Так, по А. Н. Леонтьеву, психика – *продукт развития жизни*. «Если психика не есть только чисто субъективное явление, не только “эпифеномен” объективных процессов, но представляет собой свойство, имеющее *реальное значение в жизни, то необходимость ее возникновения определя-*

ется развитием самой жизни. Психика не просто “прибавляется” к жизненным функциям организмов, но, возникая в ходе их развития, дает начало качественно новой высшей форме жизни – жизни, связанной с психикой (курсив везде наш. – Н.Ш.), со способностью отражения действительности» (Леонтьев, 1959, с. 17–18). Для понимания «необходимости возникновения психики» нужно исходить «из анализа самой жизни» (Леонтьев, 1959, с. 17).

Но здесь таится опасность преувеличения роли деятельности в жизни живого существа, ибо А. Н. Леонтьев увязывает любые формы жизненных отношений субъекта с *деятельностью* (причем предметной!). По его словам, «те специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, т. е. активное, отношение субъекта (жизни. – Н.Ш.) к действительности, мы будем называть... процессами деятельности». Она понимается как предметная, а ее предмет – как нечто «противостоящее (нем. Gegenstand), сопротивляющееся..., то, на что направлен акт...» (Леонтьев, 1959, с. 24).

Но жизненная активность – это не только предметная деятельность, но и общение, а также взаимопомощь, наблюдающаяся уже у высших животных. Животное борется также и за «жизнь» своего вида (а не только за свою жизнь в предметно-деятельном взаимодействии со средой). По Ницше, жизнь индивидуума связана с другой такой же жизнью, хотя у него «высшая» жизнь подавляет жизнь дру-

гого, властвуя над ней («воля к власти»).

А. Н. Леонтьев, считая первичной формой психики чувствительность, подчеркивал, что «главным, решающим для возникновения чувствительности условием является переход от жизни в однородной среде к жизни в более сложной среде дискретных предметов» (Леонтьев, 1959, с. 29). Все это предполагало более широкую идею о том, что на уровне личности, как и на уровне субъекта предметной деятельности, порождение «высших психических функций» человека обусловлено активно-деятельным вхождением в особую, значимую для человека, социокультурную предметную среду на базе интериоризации – превращении деятельностного содержания культуры в содержание психического отражения. При этом большую роль играет *общение* ребенка и взрослого в ходе их совместно-разделенной деятельности, словесные знаки-указания взрослого, учителя и т. д.

Мир психических явлений (внутренний мир человека) как предмет психологии

Положение о роли субъекта жизни в определении характера психической реальности не надо абсолютизировать. Психическую реальность можно определить как сферу психических явлений, а психологию – как науку о психических явлениях (И. Н. Карицкий).

Однако психические явления изучаются нами, психологами, не «вообще», а вкупе с их особыми детерминациями. Это особое целое (психические явления вместе с их особыми детерминациями) может быть названо *внутренним миром человека*, так как мир, в любой его конкретной форме, предстает как *пространство явлений и событий и лежащих в их основе детерминаций определенного типа*.

С этих позиций правомерна точка зрения современных авторов (В. Д. Шадрин, В. А. Мазил, Н. С. Шадрин и др.), считающих, что психология – это наука о *внутреннем мире человека* (см. об этом также наши работы: Шадрин, 2015; 2017).

Более конкретно *внутренний мир человека (предмет психологии) выступает как «воспринимаемое» в ходе самонаблюдения пространство особых явлений и событий, связанных с относительно автономной саморегулирующей активностью субъекта человеческой жизни как индивида, субъекта и личности в природной, предметной и социальной среде. Эта саморегуляция не носит непосредственного характера, а разыгрывается путем «задействования» или комбинирования коррелирующих с природным и социокультурным миром базовых (и производных от них) детерминант психического, таких как мотивы, образы, формы общения и деятельности.*

Если бы психика не разворачивалась перед нами как *особое пространство явлений, событий и их детерминаций*, то психические явления не были бы наблюдаемы в принципе, в том числе путем само-наблюдения

как одного из основных (по мнению И. Н. Карицкого и других психологов) методов психологии. (Развернутое интервью с И. Н. Карицким по данному кругу проблем опубликовано в журнале *The Unity of Science: Карицкий*, 2016–2017). Ведь все, что не дано в каком-то пространстве, – не наблюдаемо.

Каждая из упомянутых базовых психологических детерминант зафиксирована в виде базовой категории психологии (совокупность которых была выявлена и раскрыта еще М. Г. Ярошевским) – это мотив, образ, формы деятельности и общения и, наконец, сама личность как ипостась субъекта жизни (Ярошевский, 1985, с. 17). Содержательно каждая такая категория предстает в виде большого круга конкретных ее проявлений, репрезентированных в более частных понятиях (вспомним, как разнообразны виды мотивов!), выступающих *детерминантами* психических явлений в том смысле, что они являются их причинными факторами или же определяют их качественную специфику. В этом и выражается объяснительный потенциал указанных категорий психологии, в силу наличия которого они как раз и фиксируют базовые детерминанты психического. (Отметим, что сам термин «базовая детерминанта» отсылает к принципу детерминизма в психологии.)

Выделение в субъекте индивидуальной жизни *трех уровней* (индивид, субъект деятельности и личность) позволяет ввести, вслед за В. И. Кабриным, представление о внутреннем

мире человека как *единстве трех уровней миров* (мир индивида, мир субъекта деятельности и мир личности), на каждом из которых, на наш взгляд, разыгрываются те же самые базовые детерминанты (мотивы, образы, формы деятельности и общения), имеющие, однако, существенную специфику на каждом из этих уровней. (Так, чисто индивидные, природные (физиологические) потребности и мотивы отличаются от мотивов и потребностей субъекта деятельности и личности.)

С другой стороны, возникает перспектива раскрытия особенностей форм регуляции (саморегуляции) психических явлений и их детерминант со стороны субъекта жизни на уровне индивида, субъекта деятельности и личности. Так, субъектная саморегуляция выступает как произвольная и непроизвольная регуляция, личностная – как волевая и личностно-смысловая и т. д. Все эти моменты освещены в наших работах (Шадрин, 2015; Шадрин, 2016, с. 67–76).

Упомянутая саморегуляция на высших стадиях развития может обретать характер самодетерминации, о которой говорили Э. Деси и Р. Райан. (Хотя еще раньше о самодетерминации в форме «самодействия» и «самоопределения» писал С. Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1973, с. 288), который, кстати, говорил и о «человеке как субъекте жизни».) Но самодетерминация полноценно реализуется лишь вне ситуации отчуждения. Отчужденная личность ничего не определяет в своей жизни (включая и психическую жизнь) свободно, «самост-

но», от своего лица. (В этой связи термин Self можно осмыслить одновременно как «личность», «самость» и «сущность».)

К тому же самодетерминация, так же, как и истина, не возникает «как выстрел из пистолета» (Гегель), а сама детерминирована предшествующим развитием и формированием ряда необходимых условий (Е. Е. Соколова).

Понятно, что то, что выступает детерминантой для какого-то явления, само может выступать как какое-то явление (и наоборот). Но здесь важно не остаться «в кругу» мира психического, в силу чего принцип Шпрангера «психическое через психическое» отчасти не срабатывает (см. ниже).

Схема общей структуры психических детерминаций

Внутренний мир человека в его целом представим как *многоуровневое* образование. В. И. Кабрин, опираясь на Б. Г. Ананьева, различает **мир индивида**, **мир субъекта деятельности** и **мир личности** (впрочем, к этому он добавляет также и мир организма, особый статус которого у него не очень ясен, но обнаруживает сопряжение с миром индивида, см. Кабрин, 2010).

Понятно, что на всех трех уровнях мира человека упомянутые базовые детерминанты (мотивы, образы, общение, деятельность) имеют не только свою специфику, но и какие-то общие характеристики. Они общеизвестны, и подробно говорить о них мы не будем.

Так, например, *мотив* можно понимать как побудитель деятельности человека, придающий активности человека какую-то направленность, энергетику и т. д. *Образ* же предстает как модель предмета, ситуации, фрагмента мира или же мира в целом, которая ориентирует человека, причем различают сенсорные образы (образы ощущений и восприятий) и более сложные интеллектуальные образы (мыслительные модели окружающего мира) и т. д.

В связи с заявленной в нашей статье задачей анализа концепций Диль-

тея и Шпрангера, попытавшихся представить «переживания» (Erlebens), вбирающие в себя множество детерминаций (элементов) психического, в качестве предмета психологии, логично схематически представить обрисовано е выше современное категориальное видение внутреннего мира человека.

Поскольку характер указанных выше базовых детерминант на всех уровнях мира человека, как говорилось, все же *достаточно различен*, то можно говорить о многоуровневом характере этого мира (табл. 1).

Таблица 1.

Внутренний мир человека, его базовые психологические детерминанты и их основные уровни

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ЧЕЛОВЕКА (КАК КУЛЬТУРНЫЙ «МИР МИРОВ»)

Уровни человека как субъекта жизни	Базовые психологические детерминанты внутреннего мира человека на каждом из уровней индивидуальной жизни				Уровни миров человека
<i>Личность</i>	Мотивы 3	Образы 3	Общение 3	Действие 3	<i>Мир личности</i>
<i>Субъект деятельности</i>	Мотивы 2	Образы 2	Общение 2	Действие 2	<i>Мир субъекта деятельности</i>
<i>Индивид</i>	Мотивы 1	Образы 1	Общение 1	Действие 1	<i>Мир индивида</i>

БИОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Обрисуем теперь различные формы проявления индивидуального субъекта человеческой жизни (жизнедеятельности), фигурирующие в этой таблице.

Индивид, субъект, личность и индивидуальность

Согласно основателю антропологического подхода в психологии Б. Г. Анань-

еву и его последователям, психология есть *психология человека*. Это не означает, что сущность психики сводима к сущности человека; но последняя должна учитываться, когда мы говорим именно о субъекте жизни как носителе психики и *одной* из важных ее детерминант. (При осмыслении же сущности психики значимы такие ее известные функции, как регулятивная, отражательная/когнитивная, ин-

тегративная (В. А. Ганзен), ориентировочная.)

Человек (в том числе личность) – это, в первую очередь, не «психика» (и даже не «дух»), а *существо, субъект индивидуальной жизни*, имеющий три уровня, или три стороны. Это, во-первых, телесно-биологический *индивид*, во-вторых, *субъект предметной деятельности* и, наконец, *личность*. Правда, у Б. Г. Ананьева фигурировал сначала индивид, потом личность и, наконец, субъект деятельности, но сути дела это особо не меняет (Ананьев, 2002).

Индивид – это человек как природное существо, являющееся лишь потенциально человеком, интегрирующееся как целое в среду обитания человека и реагирующее на ее воздействия путем активации организма и слаженной, интегрированной перенастройки работы его систем. Само слово *individuo* означает «неделимый». По А. Н. Леонтьеву, «индивид как целостность – это продукт биологической эволюции, в ходе которой происходит не только процесс дифференциации функций, но также и их интеграции, их взаимного “слаживания”... Индивид – это прежде всего генотипическое образование», фиксирующее факт принадлежности к человеческому роду. Но это не только новорожденный, ибо «его формирование продолжается, как известно, и в онтогенезе...» (Леонтьев, 1975, с. 173–174).

Как было сказано, индивид выражает лишь *природно-потенциальную сторону человеческой сущности* в ходе становления индивидуальности.

В своей «Науке логики» возможность, потенцию сущности любого формообразования Гегель связывал с ее *основанием*, характеризуя его словами «энтелехия абсолютно простой сущности» в контексте проблемы «жизненного» противоречия данного формообразования.

Основу «жизненности» человека как индивида (потенциального субъекта и личности!) нельзя мыслить как вещь, тело и т.д. По Гегелю, основание любой формы жизни (включая духовную) есть *жизненное* основание, а, значит, и жизненное противоречие, но это «не то же противоречие, что вещь». «Абстрактное тождество с собой (прочность, устойчивость вещи и т.п. – *Н.Ш.*), – писал Гегель, – не есть жизненность... Нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие и есть та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его... Если оно не способно иметь в самом себе противоречие, то оно не живое единство, не основание и погибает в противоречии» (Гегель, 1971, с. 66).

Жизненное противоречие индивида в том, что он сталкивается с *неживым*, с объектами и должен на оптимальном уровне активности реагировать на их совокупность. Одновременно «изначальный» индивид (новорожденный) «запускает» на соответствующем уровне активности (в зависимости от степени состояния голода, дискомфорта и т. д.) выразительные движения, а также реакции плача, смеха, сложившиеся эволюционно и *ориентированные на присутствие личности взрослого*. (Ибо лишь

только взрослые могут помочь ему справиться с большим числом непростых жизненных ситуаций.) В конце новорожденности появляется реагирование на лицо взрослого (или «реакция оживления») – первая форма личностно-ориентированного (со стороны ребенка) эмоционального общения. (Здесь уместно вспомнить идею доминанты на «лицо другого» А. А. Ухтомского.)

Наличие такого «двойного» реагирования (недифференцированная реакция на неживые объекты (предметный мир), а также вначале тоже недифференцированная коммуникативная реакция на мир взрослых) является достаточным основанием (потенцией) «жизненности» индивида в окружающей среде, основой его развития и превращения далее в субъект и личность.

В изначальных реакциях смеха, плача у человека один из основателей антропологии Г. Плеснер видел момент «эксцентричности» человеческой сущности (в ее биологических основах). По словам П. П. Гайденко, «в таких человеческих проявлениях, как смех и плач, Плеснер видит выражение эксцентрической позиции человека» (Гайденко, 1978, с. 105).

Плач уже у маленького ребенка не обусловлен только состоянием его внутренней среды, а ориентирован на присутствие личности взрослого вовне. (Есть дети, переставшие плакать при устранении дискомфорта и старающиеся лишней раз не беспокоить взрослого своим плачем, но есть дети, продолжающие плакать очень долго, «показывая себя».)

Недифференцированный характер предметных реакций индивида, несформированность у него целесообразных предметных действий с момента рождения и готовность воспринять содержание активности, присутствующее в культуре, есть важное проявление «эксцентричности» сущности человека, ее *природно-потенциального* характера на уровне индивида, преобразующегося затем в субъект различных видов деятельности.

В целом в индивиде нас интересуют механизмы активности, выражающие «самостоятельную силу реакции» (А. Н. Леонтьев) на различные факторы человеческой среды обитания (которая есть потенциальная основа и условие его самоосуществления как человека, включающая указанные механизмы жизненного реагирования на среду!).

По А. Н. Леонтьеву, в ходе развития индивида «речь идет о возникающих сплавах врожденных и приобретенных реакций, об изменении предметного содержания потребностей, о формирующихся доминантах поведения» (Леонтьев, 1975, с. 174).

Во многом аналогична в этом вопросе точка зрения Б. Г. Ананьева. По его словам, «внутренние зависимости между природными свойствами (механизмами реагирования. – *Н.Ш.*) опосредованы зависимостями индивида от условий внешней среды (социальной, биологической, абиотической)», которая выступает как среда его обитания вообще, но эти зависимости «определены общей морфофизиологической организацией человека как вида», сложившейся в эво-

люции, хотя это не исключает роли индивидуально-типических вариаций организации природы человека, выражающихся в свойствах темперамента, в задатках, в возрастных и половых особенностях функционирования нервной системы, коры больших полушарий и т. д. (Ананьев, 2002, с. 68).

Здесь особо значимы свойства нервной системы, такие как подвижность, уравновешенность, работоспособность (или «сила»), лежащие в основе темперамента (И. П. Павлов, Б. М. Теплов, В. Д. Небылицын). Так, подвижность нервных процессов, характерная для сангвника, обеспечивает быструю перестройку работы всех систем в ответ на внешние воздействия. Уравновешенность нервных процессов обеспечивает то, что при развитии возбуждения оно не «зашкаливает» и компенсируется торможением. В проявлениях темперамента имеет также значение тип конституции, ибо, по Э. Кречмеру, человек астенического телосложения реагирует на изменчивость мира иначе, чем атлетик или циклотимик и т. д.

Индивидуальные механизмы реагирования сопряжены также с системой образов-сигналов, несущих информацию о состоянии внутренней среды организма (ощущение голода, боли, дискомфорта и т. д.), о перспективах сохранения безопасности человека в изменчивой окружающей среде. Эта информация включает в действие «блок активации» мозга, стимулирующий работу всего организма в ситуации опасности, голода и т. п., что выливается в соответствующее по-

ведение. (Теория «трех блоков мозга» разработана А. Р. Лурией и Е. Д. Хомской.)

Реагирование организма как целого на индивидуальном уровне сопряжено и с психическими процессами. Так, эмоция обеспечивает «почти мгновенную» перестройку работы всех систем организма (П. К. Анохин), поэтому к индивидуальному уровню относят и такие свойства темперамента, как реактивность, эмоциональная возбудимость и т. д.

В целом же если активность человека как индивида и как личности есть та или иная форма *интеграции* в окружающий мир, то для субъекта более характерна *дифференцированная активность* (В. А. Ганзен), направленная на овладение всем *многообразием* мира человеческих предметов.

Подчеркнем, что интеграция индивида в среду обитания человека как вида – не самоцель, а лишь *потенция* его дальнейшего успешного развития!

Вот почему на уровне индивида мы застаем также *природные задатки*, являющиеся потенцией формирования специальных способностей и освоения соответствующих дифференцированных способов деятельности с конкретными предметами.

Субъект деятельности – это человек как носитель какой-либо предметной деятельности, ее умелый «реализатор» и исполнитель, как *деятельное существо*, преобразующее предметы с помощью других предметов, орудий труда, созданных человеческой цивилизацией. (В активности

субъекта проявляется и момент *использования деятельного соучастия другого* на базе способности к интерактивному общению и т. д.)

К субъектно-деятельностному уровню жизнедеятельности относятся не только специальные или общие способности человека, но и механизмы восприятия трехмерного пространства (глубины), что является условием успешной предметно-преобразующей деятельности субъекта, а также способность к реализации указанной интерактивной стороны общения – условие эффективной совместной-разделенной деятельности и т. д.

Если в человеке как *индивиде* проявляется *природно-потенциальная сторона сущности человека*, то в *субъекте деятельности* выступает момент ее *активного утверждения в предметном мире*, создаваемом и используемом человеком и становящимся миром различных предметно-деятельных «человеческих сущностных сил» (К. Маркс).

Совокупность предметно выраженных «человеческих сущностных сил», способностей, представляет собой то огромное (хотя и размытое в своих границах) богатство, которое реально «действует» в совокупности общественных отношений, а отдельному индивиду дано как сущность его жизненной активности (как целое) лишь *потенциально* (как то, что должно быть освоено в ходе культурного развития человека).

Конечно, любая сущность рано или поздно «вступает в существование» (Гегель), перерастая стадию оснований, потенций, условий и т. д.

«Вступление» человеческой сущности в индивидуальную форму существования означает «снятие тотальности опосредствований, имеющих место в основаниях и условиях развития сущности» (Н. С. Шадрин).

Однако условием опоры личности на разнообразные факторы и условия ее жизни является ее интеграция уже не в природную среду, а в *совместный социальный мир людей*, или Mitwelt, в терминологии Г. Плесснера. Этот последний «несет личность (в другом переводе – приподнимает личность), которая одновременно формируется им» (Плесснер, 1988, с. 131–132). Личность должна включаться в этот совместный мир *ответственно*, интегрируя плоды своей деятельности (субъектной активности) с продуктами деятельности других людей и социальных групп для обеспечения их более или менее гармоничного существования (и определения в этом контексте собственного существования!).

Итак, **личность** – это форма индивидуального субъекта жизни, *гармонично включающаяся (интегрирующаяся) в свое существование в различные формы совместного социального бытия людей и способная (вне отчуждения) ответственно, от своего лица решать его проблемы и задачи*.

Экзистенциальная и гуманистическая психология, ухватившая суть феномена личности, на что указывает и историк психологии А. Н. Ждан (Ждан, 2012, с. 13), понимает «подлинную» личность как «экзистенцию», то есть форму изначально локализованного, «фактичного» существования, устрем-

ленную к бытию в целом (точнее, к смыслу этого бытия) (Sartre, 1943, p. 30, 137). Правда, экзистенциалисты и экзистенциальные психологи обычно не замечали *иерархии* самого бытия (высший уровень которого социальный, а ниже лежат бытие живых организмов и физико-химических процессов), на которую указывает, например, С. Л. Рубинштейн в своей работе «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973, с. 295).

В анализе личности нельзя не учитывать и ее социологические характеристики: социальный статус, социальные роли, функции, нормы поведения в социуме. Конечно, личность не сводима к набору социальных ролей и функций, хотя и плохое исполнение человеком своих функциональных обязанностей также не говорит о высоком развитии его личности! Нельзя упускать из виду и то, что обычная социальная роль может подниматься до уровня «миссии» (А. Н. Леонтьев); а социальный статус может быть не только целью карьерных устремлений, но и условием реализации ответственной позиции личности в какой-то области жизни и т. д.

Недостаточное внимание к социальному (высшему) уровня бытия отчасти затемняет феномен «абсолютной ответственности» (соответственно, свободы) личности, о которых столь выразительно говорит экзистенциализм.

Ответственность как характеристика личности

Рассуждая в «Бытии и ничто» о проблемах свободы и ответственности личности, Сартр отмечает, что ни одно общественное событие, возник-

шее внезапно и увлекшее меня, не приходит *извне*. Например, «если я пошел на войну, чтобы избежать смерти или бесчестия (вследствие обвинения в дезертирстве. – *Н.Ш.*), все происходит так, как если бы я нес полную ответственность за эту войну. Без всякого сомнения, другие декларируют ее (эту ответственность. – *Н.Ш.*) и возможно даже попытаются рассматривать меня как простого соучастника».

Однако понятие соучастника военных преступлений здесь не может быть использовано в юридическом смысле слова. «...Ибо зависело только от меня то, что, *хотя ради меня и посредством меня эта война не существует, но я решил, что она существует* (курсив наш. – *Н.Ш.*)» (Sartre, 1943, p. 640).

Я был бы соучастником войны в *юридическом* смысле, рассуждает Сартр, если я был бы одним из ее *организаторов* (т. е. она существовала бы «посредством меня») или лицом, отдавшим *приказ* начать войну или даже лицом, побудившим издать такой приказ (тогда она существовала бы «ради меня»). Но Сартр глубоко прав, что *на личностном уровне понятие юридической ответственности не исчерпывает всех ее форм*.

Известно, что *некоторые* аспекты сущности человека Маркс понимал как «совокупность всех общественных отношений». Однако, принимая *ответственность* как одну из стержневых характеристик *личности*, нельзя уже утверждать, что ее *сущность* якобы и есть совокупность хотя бы некоторых общественных отноше-

ний, увязанных в ее живой активности и реализуемых ею. (Такому взгляду отчасти отдавал дань А. Н. Леонтьев и другие психологи, а также автор этих строк!) Строго говоря, у Маркса **нигде не говорится**, что совокупность определенных общественных отношений характеризует *именно сущность конкретной личности*.

Маркс утверждал лишь, что «сущность человека (родовая. – *Н.Ш.*) не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности (*in seiner Wirklichkeit*) она есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс, Энгельс, 1974). То есть в шестом тезисе о Фейербахе он определял не сущность человека как таковую (проблема любой антропологии), а скорее *один ее аспект*, фактически «человеческие сущностные силы», причем *лишь в их действительности* и в их реальном действии (*Wirken*) в общественных отношениях, что соответствует не личностному, а скорее *субъектно-деятельному* уровню бытия человека. Функционер общественных отношений (каких бы то ни было) не есть личность! К сожалению, сейчас «то, что выступает под названием “психология личности” есть, как правило, исследование социального функционера, который и выдается за личность» (Арсеньев, 2008, с. 110).

Уже в конце советского периода психолог В. В. Давыдов возразил Б. Г. Ананьеву и другим авторам, по мнению которых субъект характеризуется совокупностью деятельностей (что в целом верно), а личность – совокупностью общественных отношений (что

уже сомнительно). По его словам, «следует иметь в виду, что любая конкретная деятельность субъекта (индивида) осуществляется (даже по Марксу. – *Н.Ш.*) лишь в системе вполне определенных общественных отношений» (Давыдов, 1988, с. 29), то есть общественные отношения – это скорее субъектно-деятельный уровень жизни (и сущности) человека, а не личностный! Соответственно, обязательства человека при реализации общественных отношений в ходе деятельности – форма «специальной ответственности» человека (М. М. Бахтин) как субъекта, но еще не личностной ответственности, по крайней мере, в высших ее формах.

Идеи экзистенциальной философии и психологии об ответственности (и свободе) личности как *главнейшей* характеристике ее бытия достаточно актуальны и по сей день. Отметим, что они были по-своему преломлены и в высказываниях Рубинштейна о личности в конце 1950-х годов, включая и его фундаментальную работу «Человек и мир».

Так, согласно идеям Рубинштейна, «человек есть в максимальной мере личность, когда в нем минимум нейтральности, безразличия, равнодушия, максимум “партийности” по отношению ко всему общественно значимому» (Рубинштейн, 1973, с. 246). А. Г. Асмолов, развивая похожее понимание, отмечал, что «чем больше перед личностью возможности выбора, тем очевиднее становится то, что сама личность выбирает, отстаивает ту или иную социальную *позицию*, которая затем определяет дея-

тельность этой личности» (Асмолов, 1990, с. 335).

Тут надо учитывать, что в *существовании* личности, выступающем как ее *со-существование* (М. Бубер), проявляется поэтапная, более или менее ответственная интеграция во все более широкие социокультурные общности людей и сферы социокультурного пространства. Это, например, общность *поселения*, а затем и *региона*, в которых проживает человек, общность соответствующей *этнической группы* и наконец, *цивилизационная социокультурная общность*. Концепция «локальных цивилизаций», к числу которых относят западноевропейскую, евразийскую, мусульманскую, китайскую и другие цивилизации, была разработана О. Шпенглером, А. Тойнби и П. А. Сорокиным (США), а также русскими учеными-евразийцами. Попытка анализа ключевых идей евразийства, а также особенностей евразийской ментальности предпринята в работе И. Н. Карицкого и В. Ф. Петренко (Карицкий, Петренко, 2012).

Итак, базовой характеристикой личности является ее *ответственность*, наличие осознанной, «соучастной» *позиции* в совместном социальном бытии людей и его формах, о чем по-разному говорили не только экзистенциальные психологи, но и советские психологи С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, российский психолог А. Г. Асмолов и др. Мотивы, образы, формы общения и деятельности третьего уровня (см. нашу таблицу) составляют *мир личности*.

Проблема индивидуальности в психологии

В работах наших психологов часто путаются рассмотренные выше понятия **индивида, субъекта и личности**, что было остроумно названо В. П. Зинченко «блужданием в трех соснах». В сферу этой путаницы мы бы добавили еще и понятие **индивидуальности**, так что можно уже говорить о «блуждании в четырех соснах». Так, определяя индивидуальность как совокупность отличительных особенностей *личности*, что в целом недостаточно корректно, тут же говорят, что они присутствуют и на *индивидуальном* уровне активности (темперамент и т. д.)!

Учитывая, что гармония частей (а также уровней) целого – ведущее свойство индивидуальности (В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев), мы понимаем **индивидуальность** как *относительно гармоническое единство трех уровней активности субъекта жизни – индивида, субъекта деятельности и личности*. По А. Г. Асмолову, создатель учения об индивидуальности Б. Г. Ананьев понимает под ней «интегративное целостное объединение “индивида”, “личности” и “субъекта деятельности”...» (Асмолов, 1990, с. 157).

Подчеркнем, что *если* подлинная индивидуальность (как гармоническое единство) уже сложилась, то на уровне *индивида* (на индивидуальном срезе индивидуальности) ее параметры обычно осмысливаются как темперамент и задатки, на уровне *субъекта деятельности* – как способности (на что обратили особое внима-

ние В. И. Кабрин и автор этих строк), а на уровне *личности* – как ее характер и ценности, если она достигает соответствующего уровня развития. (Ценности же имеют отношение уже к *ядру личности*.)

Конечно, на этих трех срезах активности человека (при условии гармонии между ними!) может высвечиваться гораздо большее число психологических сторон и аспектов индивидуальности, включая те, о существовании которых мы пока не подозреваем!

Понимание мира индивидуальности как «интегративного объединения» мира индивида, мира субъекта деятельности и личности (то есть как «мира миров») фактически реализуется в ключе подходов постнеклассической психологии, которая сейчас находится пока в состоянии становления, что не отменяет значимости *эволюционистской* картины мира в его генезисе.

Процесс генезиса индивидуальности мы бы предложили назвать (с учетом некоторых идей К. Г. Юнга, а отчасти и современного психолога О. П. Елисеева) *индивидуацией* или даже просто *индивидуализацией* (здесь мы пока не будем вникать в различия этих двух терминов).

Новорожденный как «чистый» индивид не есть индивидуальность! Процесс индивидуации (индивидуализации), то есть становление относительно гармоничной индивидуальности, начинается именно с уровня индивида («индивиды индивидуализируются»), но *лишь* тогда, когда мир индивида уже начинает объединять-

ся (интегрироваться) с формирующимся миром субъекта деятельности (который характеризуется, например, индивидуальным стилем деятельности и т. д.), а затем и личности.

Примером становления отдельных важных аспектов индивидуальности путем интеграции мира индивида и мира субъекта деятельности может служить формирование гармонического единства типа темперамента (уровень индивида) и индивидуального стиля трудовой деятельности (уровень субъекта деятельности), что было прослежено в классических исследованиях Е. А. Климова по формированию индивидуального стиля деятельности ткачих-многостаночниц – флегматиков, сангвиников и т. д.

Поскольку внутренний мир индивидуальности проявляется «в оболочке» ее *жизненного* мира (отчасти регулируя его события в этом мире и т. д.), то гипотетически возможна трактовка экстраверсии и интроверсии (выделяемых у Юнга и в современной соционике) как большей или меньшей меры «повернутости» активности индивидуального субъекта жизни на его внутренний мир или же на его «внешний» жизненный мир.

Понятно, что существование процесса индивидуации путем «сплавления» мира индивида с миром субъекта и далее с миром личности не отменяет относительной самостоятельности этих миров и разных вариантов отношений между ними.

Конечно, Асмолов отчасти прав, что «при резком разведении личности на различные “триады”» (хотя тут

надо говорит о разведении на «триады» *не личности, а именно индивидуальности*, о чем, собственно, пишет и сам Асмолов!) зачастую «возникают некоторые затруднения» (Асмолов, 1990, с. 157), но нельзя не видеть и преимуществ этого подхода!

Так, до сих пор не акцентированы опасные *редукционистские и дисгармоничные проявления* в жизни индивидуальности, которые вскрываются при таком подходе. В частности, это редукция активности *личности*, с ее ответственной (в норме) позицией в социальном бытии, к нижележащим уровням индивида и субъекта-исполнителя деятельности. Часто это сопряжено с *отчуждением личности*, когда, теряя свою ответственную позицию в ходе трудовой или иной деятельности и передавая ее «внешнему агенту отчуждения» (авторитарный лидер и т.д.), человек с подлинно-личностного уровня опускается до уровня *простого субъекта* этой деятельности, *исполнителя* (чужих решений). Это обеспечивает ему получение соответствующих материальных благ и «более полную» реализацию жизни *на индивидуальном уровне* (хотя бы в форме удовлетворения его базовых потребностей, выступающих «мотивами-стимулами»). Отметим, что в объемной «Психологии личности» того же А. Г. Асмолова (2007) нет анализа проблемы отчуждения (и дисгармоний индивидуальности) хотя бы в фроммовском его понимании!

В какой-то мере редукционистские тенденции в реализации многоуровневой жизнедеятельности человека раскрывает Д. А. Леонтьев, кото-

рый пишет, что «нас постоянно манит искушение субчеловеческим – ведь субчеловеческие формы существования оказываются менее энергозатратными, более легкими, более привлекательными как путь наименьшего сопротивления» (Леонтьев, 2010, с. 129).

Шпрангер не вычленяет и не анализирует отдельно разные уровни субъекта жизни (индивид, субъект деятельности и личность), он как бы «сплющивает» трехуровневую его активность, в целом приподнимая ее «вверх» и сводя скорее к активности на личностном уровне, который, в свою очередь, возвышается до духовного, ценностного уровня. Затем он предусмотрительно вводит представление об особом «экономическом» («хозяйственном»), ценностном типе, применимом (с натяжкой) к массе обычных прагматиков, утилитаристов и «материалистов», оговаривая, впрочем, что «хозяйственные ценности стоят ниже всего (*amtiefsten*), а религиозные ценности – выше всего (*amhöchsten*)» (Spranger, 1966, S. 317). В итоге этого сама активность личности на высшем, ценностно-ориентированном уровне снижается, хотя бы отчасти, до утилитарных моментов!

Подчеркнем, что сами истоки указанных четырех базовых психологических детерминаций, которыми «соуправляет» субъект жизни, переходя с одного уровня своей активности на другой, различны на указанных трех уровнях. Так, на уровне субъекта и личности содержание этих детерминаций «вычерпывается», в ходе развития человека, в основном из «боль-

шого» мира культуры, а на уровне индивида они имеют скорее биологическую (связанную с биологией вида *Homo sapiens*) природу.

Интересно то, что «вычерпывание» психических содержаний субъекта и личности из мира культуры происходит в ходе разыгрывания самих детерминаций внутреннего мира (психика развивается в общении и деятельности, но свою роль здесь играют и образы мира, и мотивы-побуждения к деятельности и т. д.). В целом тут реализуются процессы интериоризации культуры (Л. С. Выготский), которая, однако, не есть источник жестких детерминаций, а выступает как «приглашающая сила» (В. П. Зинченко) для человека как субъекта и как личности, не определяя в его активности на сто процентов ничего. (В этом плане и А. Г. Асмолов говорит о роли «механизмов неопределенности» в культуре.)

Что касается *мира индивида*, то его детерминанты связаны с биологическим миром-пространством существования человека как организма, со средой его обитания (сейчас сильно измененной техногенными воздействиями, но еще пригодной для жизни человека на этом уровне) и с механизмами реагирования на ее факторы, сложившимися эволюционно.

Становление идеи отличий элементарных психических явлений от событий-переживаний

Таким образом, *конечный источник* «детерминирующей» силы мотивов, образов, форм деятельности, общения

(и производных от них детерминаций) коренится либо в требованиях культуры (если речь идет об уровне субъекта и личности), либо в биологических зависимостях (если речь идет об индивиде). Отсюда возникает и упомянутая особая *специфика* каждой базовой детерминанты на трех уровнях мира человека. (Более подробно эти моменты рассмотрены в других наших работах (Шадрин, 2015; 2016).) Так, мотивы *личностного* уровня (конвенциональные нормы поведения, ценности и т. д.) «пронизаны» интересами *со-существования* больших социальных групп или социального бытия в целом. Мотивы же *субъектного* уровня, например, мотивы профессиональной деятельности, формируются, по Ананьеву, в профессиональном воспитании и связаны с культурой конкретного вида труда, с его предметными условиями. А мотивы типа физиологических потребностей свою «нудительную», детерминирующую роль обретают в мире биологических зависимостей на *индивидуальном* уровне жизни.

Но Шпрангер не допускал, чтобы одни формы психических явлений были «завязаны» на социум и культуру, а другие восходили к эволюционно-биологическим факторам, ибо принимал принцип «психическое через психическое» (*Psychologica psychologica*) за аксиому!

Отсюда отчасти понятен двойной ход мыслей Шпрангера.

Прежде всего, Шпрангер увязал элементы психики в *нераздельные со-бытийные комплексы*, в целостные *переживания*, в которых проявляется

лишь их смысловая «структурная связь», идущая от субъекта жизни (и его «смыслов»!). И вопрос о значимости таких важных детерминаций психического, как культура, биологические факторы, потерял свою остроту!

Но поскольку без каких-либо детерминаций и зависимостей все же не обходится ни одна наука, то Шпрангер далее жестко подчинил связь элементов психики в переживаниях некой «комбинаторике», обусловленной волей и активностью самого «суверенного» субъекта индивидуальной жизни (личности), нацеленного на утверждение своих ценностей.

При этом познание переживаний другого возможно лишь на базе «понимания» его ценностей.

Такие акценты предполагают, по меньшей мере, частичное отсечение из поля ведения психологии элементарных психических *явлений* (типа образов восприятия, представлений памяти и т. д., отличных от более сложных «переживаний»), по отношению к которым применим и метод объяснения. Хотя такой взгляд на переживания небесспорен, он позволяет утвердить в правах как метод «понимания» Э. Шпрангера, так и, в какой-то мере, «описательный метод», предложенный ранее В. Дильтеем.

Осмысление Шпрангером понятия «переживаний» (фактически *событий-переживаний*) отчасти обусловлено и влиянием Г. Риккерта, полагавшего, что в исторической науке (и в других науках о духе) приоритетным должен быть анализ именно исторических *событий*. Последние связаны с множеством детерминиру-

ющих факторов, ни один из которых не объясняет это событие, и обычно являются следствием ценностно-ориентированной активности выдающейся личности.

Что касается психологии, то, напомним, уже в нашем определении *мира вообще и внутреннего мира человека в частности* фигурируют не только явления, но и события, причем зачастую **явление не равно событию**. Этот момент важен сам по себе, однако его учет необходим, как мы видим, и для правильного понимания психологических систем В. Дильтея и Э. Шпрангера.

Такое *физическое событие*, как ускоренное движение (его параметры фиксируются в обычном четырехмерном пространстве-времени) является результатом «слитного» действия, по меньшей мере, двух базовых физических детерминант – силы и массы: ускорение тела пропорционально приложенной силе и обратно пропорционально его массе. Отсюда можно *объяснить* это событие (определить все видимые параметры движения объекта в заданный момент времени) на базе этих детерминаций. В целом в физическом мире-пространстве «разыгрываются» такие базовые детерминации, как силы, массы, различные формы полей, энергий и т. д.

Явление же (в том числе психическое явление) может рассматриваться как проявление одной, наиболее «сильной» детерминации, в отдельных случаях двух-трех. И здесь применим метод *объяснения*.

Но в психологии (впрочем, не только в ней) некоторые *сложные виды яв-*

лений могут быть обусловлены сочетанием и «переплетением» множества «равноправных» детерминаций, ни одну из которых нельзя исключить из рассмотрения; существенно, что сюда вплетается и детерминанта субъекта жизни, который на определенной стадии своего развития (ценностно-ориентированная личность), как уже говорилось, может вносить начало «самодетерминации». Тогда мы и говорим уже не о явлении, а о *событии*.

Итак, полезно дополнить понятие психических явлений более сложным в структурном плане понятием «*психологического события*», которое близко понятию «*переживаний*» у Дильтея и Шпрангера и может быть названо «**событийным переживанием**» или «**событием-переживанием**». Отметим, что немецкое слово Erlebnis (основное значение переживание) иногда может пониматься и как Ereignis (событие).

Субъект жизни, как полагал Дильтей, на уровне ценностно-ориентированной личности действительно многое определяет в направлении развития жизни человека, в чередности и структуре его событий-переживаний, внося в них и в их общий смысл то, что ему «непосредственно принадлежало» (Дильтей), что было составной частью его жизненных ценностных ориентаций. Отметим, что слово Erlebnis часто возводят к словосочетанию er lebt («он живет»), а *жизнь* (и испытывать жизненные переживания) может только субъект жизни.

Самый важный момент здесь заключается в осознании многоуровневости субъекта жизни и в выделении

его ценностного уровня – задача, которую лишь отчасти пытался решить, в частности, Дильтей.

По его словам, индивидуальный субъект жизни в его целом, или «Я», находит себя «в смене состояний, единство которых познается через сознание тождества личности... Из того, что жизненная единица обусловлена средой, в которой она *живет* (курсив наш. – Н.Ш.) и, со своей стороны, на нее влияет, возникает расчленение ее внутренних состояний. Расчленение это я обозначаю названием структуры душевной жизни» (Дильтей, 1996, с. 100). При этом эта «структурная связь переживается» (Дильтей, 1996, с. 109).

Дильтей идет в своем анализе по сути дела «сверху вниз» и сначала останавливается на душевной связи в мире *развитой* личности, ориентированной на высшие «ценности жизни». По Дильтею, «...в самой природе жизни заключается тенденция насытить всякий момент полнотой ценности» (Дильтей, 2003, с. 451).

Поэтому, «понятие душевной жизненной связи находится в тесном отношении к ценности жизни... Для нас имеет ценность лишь пережитое в чувствах. Ценность неотделима от чувства. Душевная структурная связь целесообразна потому, что она имеет тенденцию развивать, закреплять и подымать жизненные ценности» (Дильтей, 2003, с. 450). В какой-то мере обобщая эти идеи, Э. Шпрангер подчеркивает, что «прежде всего, полна смысла жизнь души в индивидууме, так как она в самой себе имеет значение всей своей активности и значение своих частных функций, пе-

реживая их как ценное *или, наоборот, не имеющее ценности* (курсив везде наш. – Н.Ш.)» (Шпрангер, 2003, с. 465).

Это первый, высший уровень «структурной связи душевной связи», на котором «душевная структурная связь есть в то же время связь телеологическая» (Дильтей, 1996, с. 109), подчиненная ценностям жизни личности.

Но имеется и другой уровень душевной жизни, тоже данный нам в переживаниях, который можно отнести к биологическому уровню жизни (в нашей терминологии – индивидуному). Дильтей уделяет внимание этому уровню лишь в связи с задачей подвести читателя к пониманию принципов ценностной, телеологической связи психических элементов. «Биология перешла, – пишет он, – от этой субъективной имманентной (ценностной. – Н.Ш.) целесообразности к целесообразности объективной. Ее понятие возникает из отношения жизни побуждений и чувств (переживаний. – Н.Ш.) к сохранению индивида и рода» (Дильтей, 1996, с. 109). К числу мощнейших побуждений и переживаний («инстинктов») на этом уровне Дильтей относит голод, заботу о потомстве, половой инстинкт и инстинкт самосохранения, которые, собственно, и лежат здесь в основе объективных связей элементов душевной жизни (включая механизмы рефлекторного реагирования и т. д.).

Дильтей, конечно, понимал, что эта объективная природная «связь» душевной жизни не есть еще ценностная жизненная связь (природа не порождает ценностей!), поэтому для него важно лишь то, что социум с

его культурой и моралью, постепенно «овладевает» этими видами переживаний (инстинктов), давая простор высшим (духовным) движениям человека.

Но Дильтей не смог в достаточной мере оценить то, что максимально «биологическое» человеческое существо, т. е. индивид-новорожденный, уже обладает особым, противоречивым жизненным *основанием*, несводимым к набору животных инстинктов, рефлексов и т. п. Так, у новорожденного, в отличие от детенышей животных, врожденных целесообразных рефлексов как раз очень мало, к тому же через несколько недель или месяцев многие из них отмирают. Поэтому он биологически мало приспособлен к среде, а говорить о половом инстинкте тут просто смешно!

Мы уже отмечали наличие у новорожденного жизненных реакций *двоякого* типа – реакций, ориентированных на *неживые* предметы (готовность направлять на них внимание, изучать их и постепенно осваивать их культурно-деятельностное содержание) и коммуникативных реакций, ориентированных на присутствие личности взрослого, высокоразвитого *субъекта жизни* (выразительные движения, смех, плач, а также «реакция оживления»). С этих позиций на *индивидуальном уровне* обнаруживается своя специфика таких базовых детерминант психического, как мотивы, образы, формы деятельности и общения, и их взаимосвязей (см. также Шадрин, 2014; 2016).

Дильтей был прав в том, что в *личностных* «ценностях жизни» прояв-

ляется особая устремленность жизни человека, не менее сильная, чем «борьба за существование». В ценностях *сама человеческая жизнь, не желая быть тщетной и бессмысленной, как бы борется за свое самоосуществление, сохранение и обновление.* (Эта идея была потом преломлена Маслоу в концепции самоактуализации личности на базе ее ценностей; Франкл же положил в ценности в саму основу смысла жизни личности!).

Ценностное эмоциональное переживание жизненного события действительно становится, как учил Дильтей, основой высвечивания («описания») *душевной структуры* изнутри и ее «описания».

Такое «высвечивание» происходит на личностно-смысловом уровне с точки зрения предвосхищения возможных *направлений* (Einrichtungen) развития личности, задаваемых «вектором» ее жизненных ценностей. Для одной формы индивидуальной жизни это нравственные (социальные) ценности, для другой – политические, для третьей – религиозные, для четвертой – эстетические и т. д.

Однако ориентация личности на какие-то ценности жизни может происходить не только в эмоциональной плоскости, но также и *«волевым, утверждающим образом»* (выражение М. М. Бахтина) – в актах творчества, экстерииоризации ценностных смыслов и т. д.

Поэтому Э. Шпрангер, отчасти возражая Дильтею, сделал упор на объективном характере личностных ценностей, на их связи с социокультурными ценностями, с творчеством,

адресованным другому, которое также может рассматриваться как (духовная) «жизнь» личности!

Он отмечал, что «многие строго ограничивают предмет психологии субъектом». Но «в такой науке было бы с самого начала загадкой, что мы вообще подходим к внутреннему миру другого», ибо он связан «известными отношениями с объективными образованиями» (Шпрангер, 2003, с. 456). (В этом пункте у Шпрангера ощущается сильное влияние учения Гегеля о сущности «духа» и объективных формах духовной жизни человека.)

По Шпрангеру, представления (образы), чувства, желания (мотивы) другого человека обычно даны этому другому в его собственном самонаблюдении. Это самонаблюдение можно осуществлять под углом зрения личностных ценностей, и тогда мы, очевидно, можем говорить о роли метода «описания» собственных переживаний как методе психологии.

Но есть и другой путь их познания – метод «понимания». Чтобы сообщить мне смысл своих переживаний, другой может создать «нечто объективное, будут ли это зафиксированные в языке данные познавательного характера, или произведение искусства, или техническое сооружение (ценности в их объективном выражении. – Н.Ш.). И когда я вживаюсь в этот объективированный смысл, во мне возникает соответствующий, то есть направленный на соответствующий (ценностный. – Н.Ш.) смысл, *духовный акт*»; он позволяет понять *объекций для нас* смысл представлений,

чувств, желаний, сопутствовавших созиданию «предметно-объективированных» ценностей данного типа (Шпрангер, 2003, с. 471).

Таким образом, «переживания» (или, что для нас равнозначно, «события-переживания», «событийные переживания») в таком их осмыслении действительно можно постигать методом «описания» изнутри (по Дильтею) или методом «понимания» другого на базе продуктов его творчества, несущих общее для меня и другого ценностное смысловое содержание (по Шпрангеру).

Впрочем, некоторые современные авторы, например, А. Н. Кричевец, говорят о возможности «понимания» не только ценностно-ориентированной, но фактически даже отчужденной личности, обозначая его «ты-в-рамке-фактичности» (уход в «фактичность», как показано в наших работах, есть форма отчуждения). По мысли указанного автора, такая форма «понимания» является даже «одной из исходных форм понимания человеком другого человека» (Кричевец, 2009, с. 29), что нам кажется несколько спорным.

Особенность события-переживания, не характерная (на первый взгляд) для физических событий и всех событий, изучаемых естественными науками, – его упомянутая связь с детерминантой **субъекта человеческой жизни**. Отсюда возникло представление о «чисто гуманитарном» характере психологии, резко противопоставляемой естественным наукам, в которых (якобы) развертывание событий *совсем* не предполагает участия субъекта.

Однако создатели духовно-научной психологии не видели, что уже в неклассической физике хотя бы регистрируемые параметры события отчасти зависят от активности субъекта-исследователя. Так, регистрируя координату электрона в данный момент времени, физик бомбардирует его «фотонами-наблюдателями» (термин квантовой механики). С учетом «принципа локатора» (для регистрации координаты частицы длина волны потока лучей должна быть меньше ее размеров) исследователь использует максимально жесткие лучи с *наименьшей* длиной волны, но зато с *максимальной энергией*, сильно меняя при этом другой параметр движения электрона (физического события) – его *импульс* (Шадрин, 2012, с. 278–279). В то же время различие между физическими и психическими явлениями-событиями (в аспекте роли субъекта жизни в их протекании) все же имеется.

В психологии понятие «событие» фигурирует в онтопсихологии В. В. Знакова (Знаков, 2010), а также в рамках биографического подхода в психологии и в концепции «жизненного пути» личности (Б. Г. Ананьев, Ш. Бюлер, Н. А. Логинова, А. А. Кроник и др.). Хотя анализ биографии предполагает упор на *жизненных* событиях (*биография* – это «описание жизни»), в их составе просматривается и *психологическая* сторона: комплексы психических процессов (они же особые события) *регулируют* или хотя бы только сопровождают протекание жизненных событий, обеспечивая их осознание, осмысление и переосмысление, оценку и т. д.

Ученица Б. Г. Ананьева, казахстанский, а затем российский психолог Н. А. Логинова вычленяет «события среды», «события-переживания», «события-встречи», «события-поступки» и т. д. (Логинова, 2001, с. 76–80). Сам жизненный путь, состоящий из ряда жизненных событий, мыслится здесь в «пространстве и времени онтогенеза» (Ананьев, 2002, с. 134), хотя четче тут прописан временной аспект (идея гетерохронности развития психики и т. д.). Это связано с тем, что советская психология была в известной мере нагружена подходами, характерными для *эволюционистского типа научной рациональности* (Дж. Вико, Ч. Дарвин, Г. Спенсер, гегелевские и марксистские концепции человека и общества), выделяемого Л. А. Никитич, с его несколько самодовлеющим принципом эволюции и развития и акцентом на категории *времени* (включая роль исторического времени и т. д.). Правда, высвечивание направленного изменения жизни человека в ходе разворачивания ее событий в данном случае существенно! Отличие рутинных, текущих «событий жизненного пути» и упомянутых «событий-переживаний» связано с акцентом на внутреннем содержании последних и с признанием их большей спровоцированности самим *ценностно-ориентированным* субъектом жизни.

То, что ценности связаны с «возвышением» (термин В. Дильтея) жизни личности в каком-то *направлении* (Einrichtung), – глубоко верная мысль. Экзистенциализм, отталкиваясь от этой идеи, увязал ценности уже не с

«жизнью» личности, а с «человеческой реальностью», с особым *существованием*, устремленным (транцендирующим) к глобальному *бытию* (или к *смыслу* этого бытия). Такое существование называется *экзистенцией*, а присущие ему проявления – *экзистенциальными*. А сама эта устремленность носит характер *возвышения бытия* (не только бытия самой личности, но и окружающего бытия) *по направлению к какой-то ценности*.

По Сартру, «человеческая реальность является тем, посредством чего ценность приходит (arrive) в мир... Ценность имеет для смысла бытия то, по направлению к чему некоторое бытие возвышает себя: всякий ценностный акт является оторванным от своего бытия по направлению к... (à son être vers...)» (Sartre, 1943, p. 137). Правда, как оказалось, такое опосредованное ценностями «движение» жизни (бытия) личности присуще людям в разной мере! Так, А. Менегетти весьма скептически отмечал: «Известно, что большинство людей готовы идти любым путем (туда, куда их «толкает» актуальная потребность, «обстоятельства» или похуканье «вышестоящих». – *Н.Ш.*), и *лишь для некоторых* (курсив наш. – *Н.Ш.*) существует настоящая потребность двигаться “по направлению к” ...» (Менегетти, 1997, с. 496). Ценности предполагают *высшую целеустремленность* человека. Ученые-евразийцы Н. С. Трубецкой, Л. Н. Гумилев называли ценностно-ориентированных личностей особыми «людьми длинной воли», а также «пассионар-

ными» личностями. Маслоу, в свою очередь, полагал, что доля ценностно-ориентированных личностей в составе населения – около одного процента.

У Хайдеггера и Сартра «экзистенциальность» как характеристика жизни (бытия) личности сопряжена не только с ценностными стремлениями, но и с особым рода эмоциями («экзистенциальные переживания»); это, например, страх (Angst), тревога (angoisse), природа которых коренится в различных жизненных отношениях человека.

По Хайдеггеру, *страх* надо отличать от простой *боязни* (Furcht) чего-то конкретного, ибо «то, чего мы страшимся, может оказаться неопределенным, т. е. уже не быть чем-то наличным в мире» (Хайдеггер, 1998, с. 305). Это может быть сам огромный бесконечный мир, в который мы «брошены». «Бояться» же человек может, к примеру, злой собаки, мешающей войти в дом, то есть боязнь возникает перед лицом каких-то частных жизненных обстоятельств. В более поздней работе «Sein und Zeit» автор указывает, что «боязнь настаивает на нас из чего-то, лежащего внутри мира (vom Innerweltlichenher). Страх же поднимается из бытия-в-мире как заброшенного в мир бытия» личности (Heidegger, 1953, S. 344).

Кстати, *эмоции* действительно могут быть формой *переживаний*, ибо в них сопрягаются несколько базовых детерминаций психического. В первую очередь это детерминанта самого *субъекта жизни*, основа их «пристрастности»; далее это детерминан-

та потребностей и мотивов: при их отсутствии нет основы для волнений – эмоция есть как бы «продолжение» мотивов («мотивационная роль эмоций»). Наконец, детерминанта *образов*: при отсутствии образа и информации о ситуации нет повода для волнения. (Вспомним «информационную теорию эмоций П. В. Симонова.) Сам термин «эмоциональное переживание» в психологии устоялся. К тому же ценностная связь элементов психики переживается, по Дильтею, именно *эмоционально!*

Как известно, особую концепцию переживаний выдвинул в свое время в своей «Психологии переживания» (1984) Ф. Е. Василук. В отличие от понимания переживания в духовно-научной психологии в качестве момента непрерывного *возвышения* индивидуальной жизни личности по направлению к ее ценностям, автор использует термин «переживание» скорее «не в привычном для научной психологии смысле», а лишь «для обозначения особой *внутренней деятельности, внутренней работы*, с помощью которой человеку удается перенести те или иные (обычно тяжелые) жизненные события и положения, восстановить утраченное душевное равновесие, словом, справиться с критической ситуацией» (Василук, 1984, с. 12), иначе говоря, как-то «духовно оправиться». При этом, согласно автору, «существует четыре ключевых понятия, которыми в современной психологии описываются критические жизненные ситуации. Это понятие стресса, фрустрации, конфликта и кризиса»

(Василюк, 1984, с. 31). В таком понимании феномен переживаний, как отмечает Василюк, весьма значим для практической психологии, с чем трудно не согласиться.

В свою очередь, понятие переживаний у Дильтея и Шпрангера (у них этот термин затруднительно интерпретировать, без искажения его смысла, как *пере-живание*), которому мы уделяем первоочередное внимание, имеет немалое значение как для практики воспитания и анализа духовного роста личности, особенно в подростковом и юношеском возрасте, так и для решения ряда коренных общетеоретических и методологических проблем психологии. (Включая специфику ее метода, понимание ее как гуманитарной науки и т. д.) Не исключается, что оба указанных аспекта понимания переживаний в какой-то мере дополняют друг друга.

Перейдем теперь к проблемам *ценностной типологии личности* и индивидуальности в работах Шпрангера. Для примера можно привести характеристики, присущие, по Шпрангеру, экономическому ценностному типу (всего он описывает шесть таких типов). Неясно, правда, в какой мере они базировались на методе «описания» (в трактовке Дильтея), а в какой – на методе «понимания» как таковом, ибо, описывая теоретического, экономического, социального (нравственного), эстетического и т. д. человека, Шпрангер зачастую делает упор на характере продуктов деятельности личности данного типа, а также на том, как она относится к

действительности, на что направлена ее активность и т. д.

По Шпрангеру, *экономический человек* – это «не обязательно человек, связанный с производством. Самое главное то, что основным мотивом, определяющим самые различные сферы личности и характер ее бытия, является мотив полезности... В самом общем плане экономическим человеком является тот, кто во всех жизненных связях на первое место ставит полезность. Все для него становится средством поддержания жизни, борьбы за существование и наилучшего устройства жизни. ...Смысл же его действий не в самой деятельности, а в ее полезном эффекте. Греки бы называли его “делающим”, но не деятельным» (Шпрангер, 1982, с. 56–57).

При описании *эстетического типа* у Шпрангера на первый план выходит детерминанта *образа* (в плане потребности в гармонии мира у эстетического человека), а при раскрытии черт «*социального человека*» обыгрывается (в форме главенства чувства любви) детерминанта *эмоций и чувств* (производная, на наш взгляд, от базовых детерминаций мотива и образа); также здесь в *неявном виде* делается акцент на детерминанте *общения* (без чего вообще немислим социальный тип личности!).

Итак, при описании тех или иных ценностных типов в зависимости от сторон жизненных отношений субъекта Шпрангер делает акцент на разных детерминациях («элементах») психического (мотивы-желания, чувства, образы, формы общения и т. д.), но в общем контексте жизненных пе-

реживаний. Причем в разных ценностных типах переживаний «пропорции» этих «элементов», объединенных в целостные структуры под «управляющим влиянием» ценностно-ориентированного субъекта жизни, могут быть *разными*, но важно, что они действуют сразу «все вместе», будучи нацелены на утверждение каких-то ценностей.

Понятно, что Шпрангером уделяется серьезное внимание и тем характеристикам ценностных типов («онтологическим» и отчасти социальным), которые связаны с самим субъектом жизни и с его особой жизненной *направленностью*. Так, им дается характеристика, в рамках конкретного ценностного типа, особого *способа существования* человека, его *смысла*, общего направления *волевой регуляции* активности и т. д. Конечно, любая индивидуальная «жизнь» может вообще рассматриваться как «направленная куда-то», если «нервом» ее движения в какую-то сторону является интенционально (ценностно) направленная череда ее жизненных событий-переживаний.

Обобщая сказанное о концепциях Дильтея и Шпрангера, подчеркнем, что преувеличивать роль методов «описания» и «понимания», предложенных ими, несмотря на то, что с их помощью получены интересные «портретные зарисовки» шести ценностных типов личности, все же не приходится. Ведь «понимание», как и «описание» душевной структуры происходит «под углом зрения» ценностей, которые должны присутствовать и у самого исследователя, и у

изучаемой психологом личности, а доля ценностно-ориентированных личностей в составе населения, как мы уже не раз подчеркивали, не превышает одного процента (А. Маслоу).

Заключение

1. В истории психологии и философии, при осмыслении природы и характера психики, проблема «жизни» и самого индивидуального *субъекта жизни* вставала неоднократно (идеи «философии жизни» Шопенгауэра и Ницше, их развитие в трудах Дильтея и Шпрангера, понимание психики как продукта «жизни» в работах советского психолога А. Н. Леонтьева и т. д.).

2. В связи с поставленной нами задачей анализа психологических систем Дильтея и Шпрангера, попытавшихся представить «переживания» (Erlebnis) как предмет психологии, было бы логичным представить современное категориальное видение внутреннего мира человека (предмета психологии) как пространства явлений и событий и лежащих в их основе детерминаций определенного типа (мотивы, образы, формы деятельности и общения плюс сам многоуровневый субъект индивидуальной жизни – индивид, субъект деятельности и личность). Соответственно, внутренний мир человека выступает как единство мира индивида, субъекта деятельности и личности, «интегративное объединение» которых в контексте проблемы субъекта жизни можно трактовать как индивидуальность, – понятие, в немалой мере интересовавшее Дильтея и Шпран-

гера в рамках их ценностной типологии. Сложность всесторонней реализации такой трактовки в том, что она возможна лишь в контексте постнеклассической психологии, которая находится сейчас в становлении.

3. Учитывая, что базовые детерминанты психического (или «элементы душевной жизни», по Дильтею и Шпрангеру) могут выступать как относительно изолированно, так и в тесном переплетении друг с другом, можно задать деление всей сферы психических проявлений человека на два больших класса, в зависимости от того, каким образом разыгрывается совместное действие этих детерминаций.

Если на сцену выступает одна базовая детерминанта психики (например, детерминанта сенсорного образа при изучении механизмов восприятия) или небольшое их число, то можно говорить о психических явлениях и их объяснении. Но если в проявлениях психики задействована «комбинаторика» почти всех базовых детерминаций и при этом очень велика роль детерминанты самого субъекта жизни, достигшего стадии «ценностно-ориентированной личности», то мы можем говорить уже о «переживаниях» (в терминологии Дильтея и Шпрангера) или о «событиях-переживаниях» в наших терминах.

4. Развивая такое понимание, можно найти место как традиционному методу «объяснения» психических явлений (на него часто опирается экспериментальная психология), так и методам «описания» и «понимания» сложных событий-переживаний душевной жизни, о которых вели речь создатели

духовно-научной психологии. С этих позиций могут быть также осмыслены ценностные типы индивидуальности, раскрытые в трудах Э. Шпрангера.

Литература

Ананьев Б. Г. (2002). Человек как предмет познания. СПб.: Питер.

Арсеньев А. С. (2008). Кризис психологии и творческий путь С. Л. Рубинштейна // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 109–114.

Асмолов А. Г. (1990). Психология личности. М.: Изд-во МГУ.

Асмолов А. Г. (2007). Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Академия.

Василюк Ф. Е. (1984). Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та.

Гайденко П. П. (1978). Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М.: Наука.

Гегель Г. В. Ф. (1971). Наука логики. В 3 т. Т. 2. М.: Мысль.

Давыдов В. В. (1988). О понятии личности в современной психологии // Вопросы психологии. № 4. С. 22–32.

Дильтей В. (1996). Описательная психология. СПб.: Алетейя.

Дильтей В. (2003). Описательная психология // История психологии. XX век / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Академический Проект. С. 417–453.

Ждан А. Н. (2012). История психологии. От Античности до наших дней. М.: Академический проект.

Знаков В. В. (2010). Тезарусное и нарративное понимание событий как

проблема психологии человеческого бытия // *Методология и история психологии*. № 3. С. 105–119.

Кабрин В. И. (2010). Антропологическая судьба субъекта // *Методология и история психологии*. № 1. С. 52–69.

Карицкий И. Н., Петренко В. Ф. (2012). Евразийство и национальная идентичность // *Евразийская ментальность / под общ. ред. В. Ф. Петренко, И. Н. Карицкого*. М.: Информполиграф. С. 21–48.

Карицкий И. Н. (2016–2017). Интервью журналу «The Unity of Science» // *The Unity of Science*. Vienna, Austria. December, 2016 – January, 2017. P. 156–158.

Кричевец А. Н. (2009). О категориях, экзистенциалах и психологическом понимании // *Методология и история психологии*. № 3. С. 24–39.

Леонтьев А. Н. (1959). Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН РСФСР.

Леонтьев А. Н. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат.

Леонтьев Д. А. (2010). Личность в непредсказуемом мире // *Методология и история психологии*. № 3. С. 120–140.

Логинова Н. А. (2001). Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: Казак университеті.

Маркс К., Энгельс Ф. (1974). Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат.

Менегетти А. (1997). Учебник по онтопсихологии. М.: Славянская ассоциация Онтопсихологии.

Ницше Ф. (1996). Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль.

Платонов К. К. (ред.) (1974). Краткий психологический словарь-хрестоматия / сост. Б. М. Петров. М.: Высшая школа.

Плеснер Х. (1988). Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // *Проблема человека в западной философии / сост. и посл. П. С. Гуревича*. М.: Прогресс. С. 31–95.

Ребер А. (сост.) (2001). Большой толковый психологический словарь. Т. 2. М.: Вече; АСТ.

Рубинштейн С. Л. (1973). Проблемы общей психологии М.: Педагогика.

Хайдеггер М. (1998). Пролегомены к истории понятия времени. Томск: Водолей.

Шадрин Н. С. (2012). Постнеклассическая рациональность и гуманистическая парадигма в психологии // *Парадигмы в психологии*. Научно-исследовательский анализ / отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Институт психологии РАН. С. 277–287.

Шадрин Н. С. (2014). Потерянный и возвращенный мир: Об отчуждении личности и путях его преодоления. Омск: Изд-во ОмГТУ.

Шадрин Н. С. (2015). Внутренний мир человека как предмет психологии и некоторые особенности «описательной» и «понимающей» психологии // *Pedagogy & Psychology. Theory and Practice*. № 2. С. 78–82.

Шадрин Н. С. (2016). Потерянный и возвращенный мир: Об отчуждении и путях его преодоления. Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing.

Шадрин Н. С. (2017). Уровни субъекта жизни и природа психической реальности: к постановке проблемы // *Pedagogy & Psychology. Theory and practice*. № 1. С. 77–80.

Шпрангер Э. (1982). Основные типы индивидуальности // *Психология лич-*

ности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М.: Изд-во МГУ. С. 55–60.

Шпрангер Э. (2003). Два вида психологии // История психологии. XX век / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Академический Проект. С. 454–474.

Ярошевский М. Г. (1985). История психологии. М.: Мысль.

Heidegger M. (1953). Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer.

Sartre J.-P. (1943). L'être et le néant. Esse d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard.

Spranger E. (1966). Lebensformen. Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit. Tübingen: Max Niemeyer.

Zollinger M. (1923). Strukturpsychology // Schweizerische pädagogische Zeitschrift. N 2 (33). S. 44–51.